

виловская летопись: «И видевше горожане изнемогающа своих, выринушас из города и бишас, одва изъотяша князя боденого тремя копыи».³⁵

Забота переяславцев о своем раненом князе отвечала представлениям Татищева, как сторонника идеи монархического правления, о верности и преданности подданных своему господину, и именно это обстоятельство он детализирует. Речи князей Татищев насыщает моральными сентенциями, призывами отстоять русские княжества: «Ныне же требе всем стати и ся спасти», или «И не дайте поганым в руде Переяславля». Можно сказать, что интерес к этической стороне событий, к их назидательному смыслу определял отбор материала и в I редакции «Истории».

Как и во II редакции, в I выделяются такие фрагменты, где историк пробует установить причину событий, их связь, ведь он создавал летописный свод, который должен быть понятен многим. Исходя из этого, становится ясна цель вставки: «Игорь . . . видя братию победивши половцы и честь прияша, поревновав има, собрав вои». Вставка должна сообщить читателям причину, побудившую Игоря отправиться в поход. Стремясь пояснить читателям, о каких князьях идет речь, Татищев называет их полные имена, указывает на родство, сообщает, какой землей владеют. Подобные случаи не единичны.

Но Татищев создавал не просто летописный свод, а историю для чтения. В I редакции, так же как и во II, четко выделяются подробности, способные увлечь читателей. Так, в татищевском рассказе появляется эпизод, который в маргинальной пометке I редакции «Истории» назван «Северян радость о Игоре». Из него предстает история возвращения Игоря из плена со множеством сентиментальных подробностей и пышной картиной встречи Игоря жителями Новгород-Северского: «И не доехав мене полднища, спотчеса конь, и паде Игорь, мало ногу потолче, яко не можаше на конь всести. В той час прибеже в Новгород детск един и возвести. И ач надолзе не яша веры, княгиня же, не моги часа терпети, нощию иде к нему и по ней вся люди ово на конех, ово пеши. И егда приидоша в село ко святому Михаилу, иде же Игорь обночева, объястася со князем и от радости надолзе, друг на друга зря, слезы испущаху. И едва престаха от слез, идоша рано к Новугороду, а людие, мужи и жены со чады, встречаху князя, яко во граде мало остана. И бысть радость велия во всей земли, обрадоваша бо ся ему людие вси».

Данный фрагмент татищевского рассказа не известен ни одной летописи. Однако самый факт, который так подробно описывается в «Истории», — радость жителей Новгород-Северского по поводу встречи со своим князем — излагается и в летописных источниках, но в них это сведение передано предельно кратко: Игорь «иде в свой Новгород и обрадовашася ему» (Е). В «Истории» же этот факт предстает в амплифицированном виде.

Мотив возвращения Игоря на родину является благоприятным поводом для детализированного и чрезвычайно экспрессивного описания у Татищева. Трогательная сентиментальность встречи Игоря с княгиней, патетичность сцены встречи князя с подданными, словесные украшения («от радости надолзе друг на друга зря слезы испущаху», «радость велия» и т. д.) — это орнаментальные подробности, средства, мотивированные стремлением эмоционально воздействовать на читателей. Там, где была возможность «живописания», Татищев не упускал ее. В рассматриваемом рассказе в этом отношении привлекает внимание и эпизод подготовки побега Игоря, лаконично переданный летописью и многословно — «Историей».

³⁵ Радзивилловская летопись. — ОЛДП, СХVIII, 1902, л. 234.